

О „карамазовщинѣ“*).

(Письмо въ редакцію).

Послѣ «Братьевъ Карамазовыхъ» Художественный театръ инсценируетъ «Бѣсовъ» — произведеніе еще болѣе садическое и болѣзненное. Русское общество имѣетъ основаніе ждать, что однажды г. Немировичъ-Данченко поставитъ на сценѣ лучшаго театра Европы «Садъ пытокъ». Мпрбо, — почему бы не показать въ лицахъ сцены изъ этой книги? Садизмъ китайцевъ патологически интересенъ для специалистовъ, навѣрное, не менѣе, чѣмъ русскій садизмъ.

Не будемъ говорить о томъ, что еще недавно «Бѣсы» считались пасквилемъ, и что произведеніе это ставилось, многими изъ лучшихъ людей Россіи въ одинъ рядъ съ такими жалкими и тепденціозными книгами, каковы «Маревъ», «Клюшниковъ», «Панургово стадо» Вс. Крестовскаго и прочія темныя пятна злораднаго человѣконенавистничества на свѣтломъ фонѣ русской литературы.

Очевидно, г. Немировичъ знаетъ, что есть публика, которой забавно будетъ видѣть неумную карикатуру на Тургенева въ годовищину тридцатилѣтія его смерти и пріятно посмотреть на такихъ дьяволовъ отъ революціи, каковы Петръ Верховенскій, или на такихъ «мерзавцевъ своей жизни», каковы Липутины и Лебядкины; вѣдь, глядя на нихъ, очень легко и удобно забыть, что были и есть люди честные, безкорыстные, а несомнѣнно, что нѣтъ многое нуждаются въ этомъ забвеніи, и вотъ Художественный театръ послужитъ этой нуждѣ, поможетъ дремлющей совѣсти общества заснуть крѣпче.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросы совѣсти, а клевету и злая карикатуры сотретъ исторія. Станемъ говорить о социальной пользѣ инсценировки «Бѣсовъ».)

Мени интересуется вопросъ: думаетъ ли рус-

*) Въ письмѣ, сопровождавшемъ настоящее письмо въ редакцію, самъ авторъ такъ опредѣляетъ свою задачу:

„Я глубоко убѣжденъ, что проповѣдь со сцены болѣзненныхъ идей Достоевскаго способомъ только еще болѣе разстроитъ и безъ того нездоровые нервы общества“.

Р е д .

ское общество, что изображеніе на сценѣ событий и лицъ, описанныхъ въ романѣ «Бѣсы», нужно и полезно въ интересахъ социальной педагогики?

Несомнѣнно и несомнѣнно: Достоевскій — гений, но это — злой гений нашъ. Онъ изумительно глубоко почувствовалъ, понялъ, съ наслажденіемъ изобразилъ двѣ болѣзни, воспитанныя въ русскомъ человѣкѣ его уродливой исторіей, тяжелой и обидной жизнью, — садическую жестокость во всемъ разочарованнаго нигилиста и противоположность ей — мазохизмъ существа забитаго, запуганнаго, способнаго наслаждаться своимъ страданіемъ, не безъ злорадства, однако, рисуясь имъ предъ всѣми и предъ самимъ собою. Былъ нещадно битъ, чѣмъ и хвастается.

Главный и наиболѣе тонко понятый Достоевскимъ человѣкъ — Федоръ Карамазовъ, безчленло, — и частично, и въ дѣломъ, — повторенный во всѣхъ романахъ «жестокаго таланта». Это — несомнѣнно русская душа, безформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего — болѣзненно-злая; душа Ивана Грознаго, Салтычихи, помѣщика, который травилъ дѣтей собаками, мужика, избивающаго насмерть беременную жену, душа того мѣшанина, который изнасиловалъ свою невѣсту и тутъ же отдалъ ее насиловать толпѣ хулигановъ. Очень искаженная душа, и любоваться въ ней нечѣмъ.

Можетъ-быть, она ищетъ пѣкій стержень, прочное основаніе, которое укрѣпило бы, кристаллизовало, оформило ее, и потому бунтуетъ, все разрушая, все грязя? Но грязью, мучительствомъ, кровью не залѣчатъ своей раны, и пока эта безумная ищетъ себѣ стержня или наказанія, — сколько она, — попутно въ монастырь или на каторгу, — пролетѣтъ въ міръ гнилого яда, сколько отравитъ дѣтей и юношества!

Достоевскій, самъ великій мучитель и человѣкъ больной совѣсти, любилъ писать именно эту темную, спутанную, противную душу. Но всѣ мы хорошо чувствуемъ, что Федоръ Карамазовъ, человѣкъ изъ подчюлы, Ома Опискинъ, Петръ Верховенскій, Свидригайлова — еще не все, что нажито нами; вѣдь, въ насъ горитъ не одно звѣриное и жульническое! Достоевскій же видѣлъ только эти черты, а желая изобразить нѣчто иное, показывалъ намъ «Идиота» или Алешу Карамазова, превращая садизмъ въ мазохизмъ, «карамазовщину» — въ

«каратаевщину». Платонъ Каратаевъ, какъ и Федоръ Карамазовъ,—живые, по сей день живущіе вокругъ насъ люди. Но возможно ли существованіе народа, который дѣлится на апархистовъ-сладоурадовъ и на полумертвыхъ фанатиковъ?

Очевидно, что не эти два характера создали, и хотя медленно, а все-таки развиваютъ культуру Россіи.

Почему же вниманіе общества пытаются останавить именно на этихъ болѣзненныхъ явленіяхъ нашей національной психики, на этихъ ея уродствахъ? Ихъ необходимо побороть, отъ нихъ нужно лѣчиться, необходимо создать здоровую атмосферу, въ которой эти бѣзны не могли бы имѣть мѣста.

А у насъ показываютъ гнойныя язвы, омертвѣвшія тѣла, заставляя думать, что мы живемъ среди мертвыхъ душъ и живыхъ труповъ.

Никто не станетъ отрицать, что на Руси сполна наступаютъ дни, требующіе дружнаго единенія умовъ и воли, крайняго напряженія всѣхъ здоровыхъ силъ нашей страны,—время-ли теперь любоваться ея уродствами? Вѣдь, они заражаютъ, внушая отвращеніе къ жизни, къ человѣку, и—кто знаетъ?—не вліяла ли инсценировка «Карамазовыхъ» на ростъ самоубійствъ въ Москвѣ?

Бесомнѣнно также, что русское общество, переживъ слишкомъ много потрясающихъ сердце драмъ, утомлено, разочаровано, апатично. Температура нашего отношенія къ дѣйствительности, къ запросамъ жизни сильно понижена.

Среди условій, понижающихъ ее, немалую роль сыграла пропаганда социальнаго песимизма и возвращеніе къ такъ-называемымъ «высшимъ запросамъ духа», которыя у насъ, на Руси, ничего не вносятъ въ этику, не улучшая нашихъ отношеній другъ къ другу, являются только краснорѣчіемъ, отвлекающимъ отъ живого дѣла. Возникновеніе этихъ отрывковъ прошлаго объясняется тѣмъ, что Русь, къ сожалѣнію, больше, чѣмъ другія, жила подъ гнетомъ церковнаго и богословскаго воспитанія. Вотъ почему Гоголь только тогда здоровъ и дѣятеленъ, когда его волю и воображеніе направляетъ европеецъ Пушкинь,—человѣкъ, знающій прошлое своей страны, но не отравленный имъ.

Передъ нами огромная работа внутренней реорганизации не только въ социальномъ-политиче-

скомъ смыслѣ, но и въ психологическомъ. Мы должны тщательно пересмотрѣть все, что унаслѣдовало нами изъ хаотическаго прошлаго, и, выбравъ цѣнное, полезное, безцѣнное и вредное отбросить, сдать въ архивъ исторіи. Намъ больше, чѣмъ кому-либо, необходимы духовное здоровье, бодрость, вѣра къ творческимъ силамъ разума и воли.

Мы живемъ въ странѣ съ пестрымъ населеніемъ въ 170 милліоновъ людей, говорящихъ на полусотнѣ языковъ и нарѣчій; нашъ нищій народъ выпиваетъ водки почти на милліардъ ежегодно и пьетъ все больше.

Не здѣсь ли одинъ изъ источниковъ все растущаго хулиганства, которое въ существѣ своемъ—та же «карамазовщина?».

Пора подумать, какъ отразится это озеро яда на здоровьѣ будущихъ поколѣній. Не усилитъ ли дикое пьянство темную жестокость нашей жизни, садизмъ дѣлій и словъ, нашу дряблость, наше печальное невниманіе къ жизни міра, къ судьбѣ своей страны и другъ къ другу?

И вотъ, въ интересахъ духовнаго оздоровленія, необходимо, какъ мнѣ кажется, опредѣлить социальное-воспитательное значеніе тѣхъ идей, которыя Художественный театръ предполагаетъ показать намъ въ образахъ. Нужно-ли это увѣчно представленіе? Я увѣренъ, что нѣтъ,—оно вредно.

Это «представленіе»—затѣя сомнительная эстетически и безусловно вредная социалью.

За Художественнымъ театромъ рабски слѣдуетъ театръ Незлобина, предполагая поставить на сценѣ своей «Піюта». Тутъ тоже есть чѣмъ полюбиться: напримѣръ, судорогами туберкулезнаго Иполита, припадками эпилепсїи князя Мышкина, безуміемъ Рогожина, истеріей Настасьи Филипповны. Русская дѣйствительность пресыщена страданіями, въ ней достаточно реального горя, реальныхъ мукъ; намъ хотять показывать еще страданія ирреальныя, искусственно соединенныя.

И я предлагаю всѣмъ духовно здоровымъ людямъ, всѣмъ, кому ясна необходимость оздоровленія русской жизни, протестовать противъ постановки романовъ Достоевскаго на подмосткахъ театровъ.

М. ГОРЬКІИ.

(„Рус. Сл.“).